

АМАРИ

ГЛУХІЯ СЛОВА

издательство «Зёрна»

MOCKBA

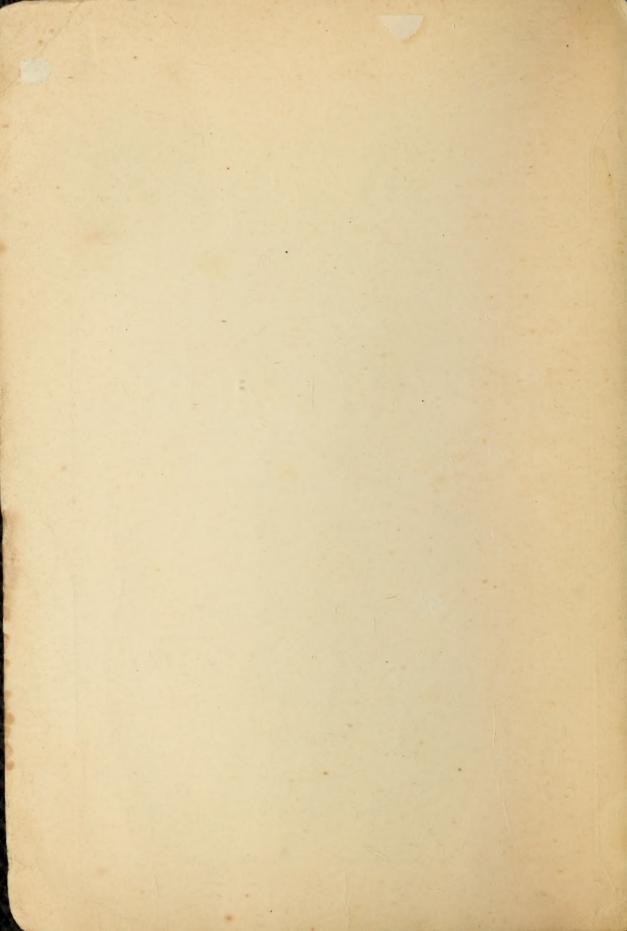
PG 3476

M. CM. XVI.

T74656

1916

ROBA

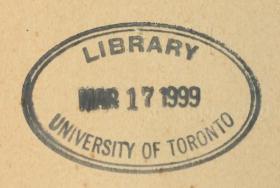

АМАРИ.

ГЛУХІЯ СЛОВА

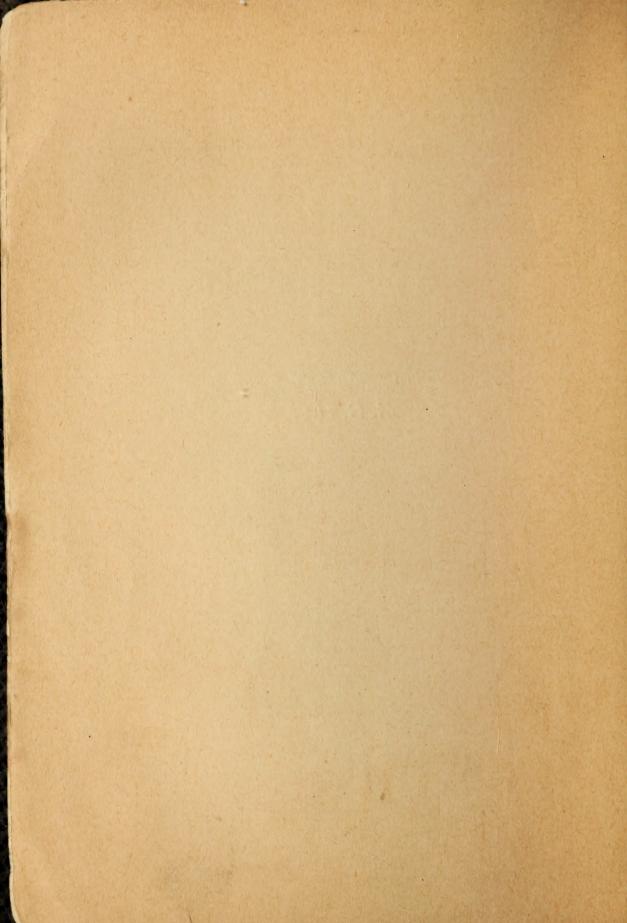
(Стихи 1912—1913 г.).

Издательство "Зерна".

Т-ВО СКОРОПЕЧ. А. А. ЛЕВЕНСОНЪ, МОСКВА.

Посвящается М. С. Ц.

Меня коснувшися едва
Прошло, не вылившись въ слова,
Волненье вдохновенья;
Еще мелодія въ ушахъ,
И слезы на моихъ щекахъ,
Но не сомкнулись звенья—
И пъсня замерла въ устахъ.
Благодарю за свътъ, за мигъ
Надежды, за восторгъ, за страхъ
И боль невоплощенья;
За то, что ты свътло возникъ
И вотъ исчезъ, туманный ликъ
Уже забытаго видънья.

Одна звъзда упала, Сіяя сіяньемъ кристалла, Влажнымъ блескомъ росинки, Теплымъ свътомъ слезинки. Но пожелать я успълъ Въ тотъ быстрый мигъ, (Словно пъсню я тихую спълъ, Иль тайну постигъ), Тебъ пожелалъ я счастья, О, сестра моя! Тебъ пожелалъ я звъздной доли, О, звъзда моя!

III.

У заката сегодня краски розъ, Вянущихъ чайныхъ розъ, Тъхъ розъ, которыя кто-то принесъ И случайно забылъ на столъ. И смятыя чайныя розы лежатъ, И какой то теплый струятъ ароматъ Въ усталой и алой мглъ.

IV.

Посв. М. А. Беневской.

Ты радость вешняя, ты цвътъ и прелесть міра,

О, неужели ты грустна, больна, И неуютна и тъсна твоя квартира, И вкругъ тебя холодная страна!

Судьбы тяжелые, увъренные цъпы, Чтобъ вымолоть для жизни намъ зерна, Бьютъ по цвътамъ и по колосьямъ слъпо, Какъ будто радость васильковъ намъ не нужна: V.

Смотрю въ туманный день осенній Сквозь вѣтокъ черный переплеть На вѣрный зову опасеній Птицъ передзимній перелетъ.

Летять, летять, за стаей стая.... О, если бы могла вельть Мнъ сила мудрая, простая— Куда летъть, чего хотъть?!

VI.

Въ утро туманное и раннее,
На сѣромъ и сыромъ вокзалѣ,
Въ тягучей скукѣ разставанія
Въ холодной мглѣ, въ уныломъ залѣ,
Передъ разлукой безъ свиданія
Слова прощенья и прощанія
Вы сухо, какъ урокъ, сказали.

«Вѣдь это и мое желаніе,
И вѣдь иначе не могли Вы».
О странной тайнѣ несліянія
Я думалъ хмуро и лѣниво;
Не Васъ я слушалъ (зналъ все ранѣе),
Но гдѣ-то болью разставанія
Свистящіе локомотивы!

VII.

Посв. В. М. Рудневой.

Не связанный въ жизни ничѣмъ, Живу я такъ скучно; Равно благосклонный ко всѣмъ, Ко всѣмъ равнодушный!

Иду отдъленъ отъ людей Дорогой особой; Миъ чужды они со своей Любовью и злобой.

Съ однимъ я народомъ скорблю, (Съ нимъ связанъ я кровью); Другой безнадежно люблю Ненужной любовью.

И медленно вянетъ душа И чахнетъ искусство. И трудно мнѣ жить, не спѣша, Безъ цѣльнаго чувства.

VIII.

Въ лѣтнія ночи плохо спится, Темно и смутно мнѣ въ постеяи, Я жду, чтобъ утромъ птицы, птицы Въ саду запѣли, засвистѣли.

Какъ лодку вътерокъ попутный Меня повлекши, заструится Сонъ, и я буду слышать смутно, Какъ нъжно-остро свищутъ птицы.

IX.

Мало творческой боли, Мало было труда, Мало страсти и воли И на «нътъ» и на «да».

И теперь вспоминая
Лѣтъ безцвѣтную нить,
Проклинаю и знаю:
Надо все измѣнить.

Нужны новыя силы И въ добръ и во злъ, Но унылый, безкрылый Духъ мой никнетъ къ землъ.

Ищетъ твердой опоры, Ищетъ темной норы, Ищетъ мрака, въ который Заползти до поры.

Чтобы жить, чтобы плакать, Чтобъ имѣть свой ночлегъ И въ осеннюю слякоть, И въ слѣпительный снѣгъ.

И молиться, не вѣря, И о чемъ то просить, Душу робкаго звѣря, Пожалѣть, полѣчить... X.

Выше пышныхъ куреній, куреній заката, Въ высотъ еле эримой, неизслъдимой Еле эримые, нъжные дымы! Я едва вспоминаю о томъ, что когда-то Вы мною были любимы...

XI.

Хрустальная музыка чеховскихъ словъ, Словно съ родины зовъ, словно дальній зовъ.

Я хотълъ бы вернуться, о, Боже мой, Я хотълъ бы еще вернуться домой! И увидъть московскій монастырь, Гдъ схороненъ онъ.... и поля.... и ширь...

XII.

Какъ изслъдилъ сердца людекія, Ты, нъжный, тихій человъкъ, Всепроникавшимъ взоромъ Вія, Не подымая грустныхъ въкъ?

XIII.

О, неуимчивое сердце, Стучишь-стучишь, стучишь-стучишь, Въ грудь, въ глухо запертую дверцу! Но отзвучишь... Но замолчишь....

XIV.

Далёко, одна на кладбищѣ, лежишь ты, и я на кладбищѣ томъ не былъ. Далёко, одна... Надъ могилой синѣетъ неяркое, русское небо. Далёко! И если судьба не захочетъ, я тамъ никогда и не буду, И что-то мнѣ шепчетъ, что я тамъ не буду, и, можетъ быть, въ жизни тебя позабуду.

Есть странная, страшная сила, забвенье-

Я знаю: быть можеть, и ты меня тоже забыла.

Въдь если надръжемъ мы дерево, новые соки его заживляютъ, кора заростаетъ безслъдно.

Что было бы съ бъдной душою безъ силы цълебной, безъ силы побъдной!

Но мнится мнѣ, ты предъ концомъ, съ другими, съ друзьями, съ родными, Средь слезъ разставанія вспомнила старое, старое, полузабытое имя, Шепнула его и вздохнула съ любовью, иль горечью, или прощеньемъ, Навѣрно, съ прощеньемъ, мой грѣхъ невеликъ былъ, навѣрно съ прощеньемъ.

Мой грѣхъ не великъ былъ: я только любилъ и не лгалъ предъ тобою. Быть можетъ, такъ было и нужно, и такъ суждено мнѣ судьбою— Тебя разбудить отъ дремоты, когда-же проснувшись, съ еще полусонной улыбкой, На міръ и меня ты взглянула, — уйти, отвернуться и горькой признать все ошибкой.

Но мной пробужденная къ жизни, ты въ жизни осталась, Забыла, что было, творила, любила, смъялась

И шла безъ меня такою увъренной твердой походкой, Какъ будто и не было той, которую я покидалъ заплаканной, бъдной сироткой.

Но что же твой образъ душѣ какъ упрекъ и какъ бремя?
О, тяжесть ошибокъ, которыхъ уже не искупитъ ни время,
Ни горечь рыданій, ни страстность молитвъ, которыхъ не смоетъ
Вся вѣчность, что будетъ, и мигъ отошедшій тяжелыми волнами скроетъ.

Вся въчность! Такое простое и все жъ невозможное слово «навъки»; Надъ темной могилой струятся все болъе темныя и полноводныя ръки. Ужели навъки? И вотъ, когда и меня унесутъ эти воды, Не будетъ свиданья, не будетъ свободы,

XV.

Сердце гонитъ усталую кровь, Ширясь чутко и върно. И сжимается вновь Мърно, мърно.

Мѣрно, мѣрно... Покамѣстъ иглой Старой боли Тихій кто-то его, тихо злой Не уколеть!

XVI.

Посв. Р. И. Гавронской.

Какъ дымно дышутъ дали, Какъ бълъ побъдно снъгъ.... Мы такъ съ тобой страдали, Былъ судебъ бъденъ бъгъ, Мы долго напрасно ждали Такихъ цълительныхъ нъгъ!

И вотъ дождались нынѣ
Невѣдомыхъ чудесъ.
О, дымъ молочносиній
Безбережныхъ небесъ!
Безслѣдно въ снѣжной пустынѣ,
Какъ дымъ, нашъ бредъ исчезъ.

XVII.

Чуть теплится огонь
И сердце чъмъ то сжато.
Не тронь, не тронь
Цвътокъ безъ аромата!
Жизнь—какъ подъ всадникомъ тяжелымъ
слабый конь.

Нетворческая грусть,
Нъть радости въ надеждъ,
Такъ пусть же, пусть
Все будетъ такъ, какъ прежде,
Жизнь—скучные стихи, твердимые безъ
чувства наизусть.

XVIII.

Въ темной жаждѣ божества О, рыбарь, мы ждемъ ловитвы; Но забыли мы слова Для призыва и молитвы.

О, сердецъ и душъ рыбарь, Ты когда жъ разставишь съти? Затрепещутся ль, какъ встарь, Божьи рыбки,—видишь—эти

Истомленныя сердца? Долго ль ждать намъ молчаливо, Чтобъ достигли до Отца Безсловесные призывы?

XIX.

Кто, Строгій, спросить отчета, Кто, Мастеръ, посмотрить въ срокъ Сработана ли работа, Исправенъ ли твой урокъ?

Какъ дни безнадежно—сѣры, Какъ видно всю будничность дѣлъ! Безъ трудной, радостной вѣры Какъ скуденъ бѣдный удѣлъ!

XX.

Посв. Р. И. ф.

Не настало время молиться, Нътъ въ душъ и словъ для молитвъ. Намъ завътъ—въ себя углубиться, Будетъ сердце медленно биться, Какъ въ предчувствіи бурь и битвъ.

Говорить придеть еще время, Нужно только слушать, таясь, Прорастаеть ли свътлое съмя, И носить, какъ женщинамъ бремя, Съ чъмъ-то тайнымъ темную связь.

XXI.

Все течетъ, какъ вода между пальцевъ, Какъ песчинки года жизни плѣнной. Гдѣ жъ пристанище для скитальцевъ По холоднымъ вокзаламъ вселенной?

XXII.

Сталъ кровавой отравой Утолявшій и чистый родникъ. Солнце встало со славой, Но багровымъ погасъ его ликъ!

XXIII.

Вновь отогрѣтая земля, Полна волшебнаго бродила, Несмѣтныхъ травокъ острія Вверхъ протолинула, породила.

Впиваютъ корни жадно токъ Отстоенный, подземный, острый; И вспыхнули цвъты въ свой срокъ, Какъ фейерверкъ внезапно пестрый.

Повсюду долго спавшихъ силъ Стихійно молодые взрывы: Ихъ дождь весенній оросилъ Подъ бурь гремучіе порывы.

И вновь мои тревожны сны, И ненадолго вновь забуду, Что такъ обманчиво весны Всегда одно и то же чудо!

XXIV.

Не знаю, какъ она придетъ,
Въ ночной ли тьмѣ, въ дневномъ ли блескѣ;
Не съ легкимъ вѣтромъ ли впорхнетъ;
Чуть шевельнувши занавѣски;
Отъ книги глазъ не подыму,
Ее почуявъ за спиною,
Но вздрогну, вспомню и пойму,
И медленно, сухой рукою,
Глаза усталые закрою....

XXV.

Ахъ, жизнь была разнообразной И все же истомила скукой; Была ненужной, праздной мукой Или забавой столь же праздной; Во что то върою напрасной И въ чемъ то лживою порукой... О, дорогая, забаюкай Пъсенкой тихой и несвязной!

XXVI.

Въ мірѣ простомъ, со всѣми въ мирѣ, Я твердо жить хочу—въ теплѣ, Въ уютной и жилой квартирѣ, Не думая о злѣ, о мглѣ. Но нѣтъ, не быстрое ль движенье Земли среди планетъ, въ эфирѣ Даетъ мнѣ головокруженье? И вотъ мнѣ неуютно въ мірѣ На твердой и земной землѣ.

XXVII.

На день въ вагонъ жизнь кажется мнъ сегодня похожей:

Тряска, копоть и каменный уголь Проникаютъ въ уши и въ глаза черной пылью.

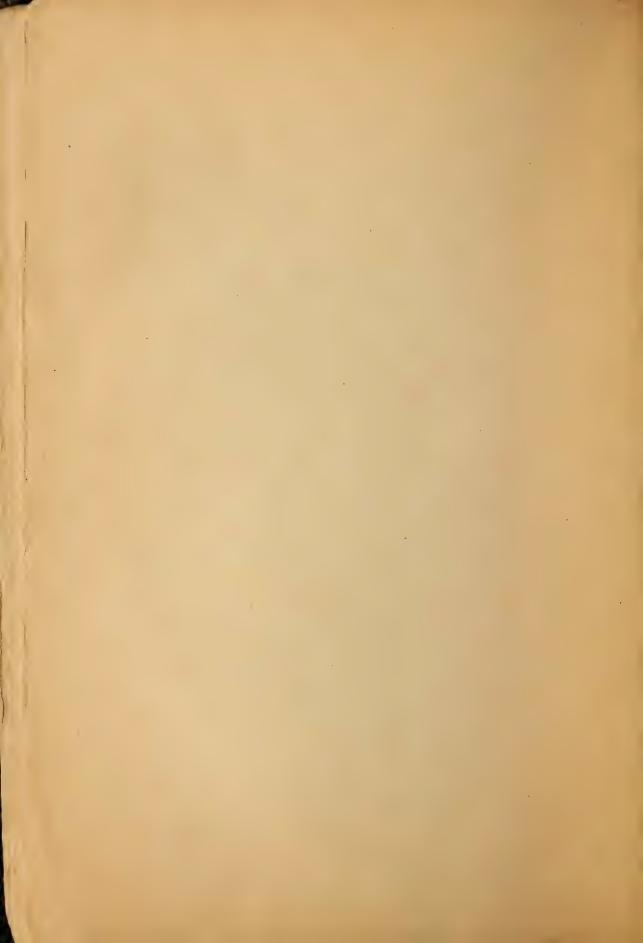
Жизнь мнъ кажется похожей на каменные и желъзные вокзалы,

На ихъ холодныя, пыльныя залы. Даже ты не утъшила меня, подруга Свътлая, у которой ищу утъшенья. Ты тоже Безсильна....

XXVIII.

Дождь, затихая, еле-еле
Незвучно къ намъ въ окно стучитъ,
И въ затъненномъ свътъ лампы
Бълъютъ по стънамъ эстампы,
Вещей знакомыхъ милый видъ.

Какое странное прозрѣнье, Какая боль, какой испугъ! О, неужели, неужели Намъ суждено съ тобой безъ цѣли Скитаться въ мірѣ, бѣдный другъ?..

ПЕРЕВОДЫ,

изъ гёльдерлина.

(1770-1843).

Ι.

Къ Паркали.

Одно лишь лѣто дайте, вы, мощныя, Одну лишь осень эрѣлыхъ напѣвовъ мнѣ, Чтобъ легче сердце, сладкимъ пѣньемъ Долу насытившись, умерло бы.

Въдъ душамъ, въ жизни не воплощающимъ Извъчныхъ и божественныхъ правъ своихъ, Не дастъ забвенья даже Лета. Если же пъснь моя мнъ удастся:

Привѣтъ тебѣ тогда ты, о міръ тѣней! Я буду свѣтелъ, если бъ и не было Со мной тамъ лиры. Все жъ однажды Жилъ я, какъ боги, а это—благо.

II.

Душа пріятное въ сей жизни ужъ вкусила. Гдѣ т6, что въ молодости было мило? Апрѣль и май, іюнь прошли. Какъ дни унылы! Что я? Ничто. Жить не хочу, нѣтъ силы...

III.

Увѣсили вы берегъ
Надъ озеромъ розами,
И желтыми цвѣтами
О, милые лебеди;
И въ безуміи страсти
Погрузили голову
Въ священную, трезвую воду.

Увы мнѣ, гдѣ обрѣту я,
Когда зима настанетъ, цвѣты
И сіяніе солнца,
И тѣнь земную?
Стѣны стоятъ
Безмолвны и холодны, подъ вѣтромъ
Треплются флаги.

IV.

ВЕЧЕРНЯЯ ФАНТАЗІЯ.

Подъ мирной сънью хижины пахарю Очагъ отраденъ, малымъ доволенъ онъ. Въ долинъ путникъ слышитъ звоны, Колоколъ тихій на близкой церкви.

Вернулись въ гавань всѣ корабельщики, Далекій городъ шумы веселые Смиряетъ. Тихо. И въ бесѣдкахъ Мирно друзья коротаютъ вечеръ.

А что же я? О, если бъ я жилъ, какъ всѣ, Труда поденщикъ, въ смѣнѣ размѣренной Заботъ и мира. Спятъ всѣ. Что же Въ сердцѣ моемъ не смирилось жало?

Въ вечернемъ небъ, словно весна цвътетъ, Несчетны розы. Въ славъ и золотъ

Сіяєть міръ. Туда, туда бы Къ тучамъ пурпурнымъ, тамъ въ свѣтѣ и въ воздухѣ

Растаетъ, растворится и жизнь, и боль! Мольбой ли глупой вспугнуто, кануло Очарованье? Смеркло. Снова Я одинокъ, какъ всегда, подъ небомъ.

Приди же, сладкій сонъ! Слишкомъ многаго Такъ жаждетъ сердце! Но отпылаешь ты, Мечтательная такъ тревожно Юность... И ясной будетъ старость.

ПРОЩАНЬЕ.

. (Дiотимъ.)

Если я со стыдомъ сгину, и дерзкимъ, имъ Не отмщу и сойду въ гробъ обезславленнымъ,

И меня одолъютъ Силы, духу враждебныя—

Пусть тогда и тобой буду забыть, навѣкь, О, краснѣй за меня, мучься и ты стыдомъ, Ты, любимая мною! Нѣть, и туть пусть не будеть такъ!

Но предчувствую я: буду одинъ, одинъ... Геній свътлый, и ты бросишь! И духи лишь Смерти будутъ мнъ струны Сердца, струны всъ, рвать и рвать.

Кудри юности, о, осеребритесь же! Кратокъ будетъ мой день, завтра же что насъ ждетъ?..

....меня на пустынный здѣсь Двухъ дорогъ перекрестокъ Боль разящая кинула!

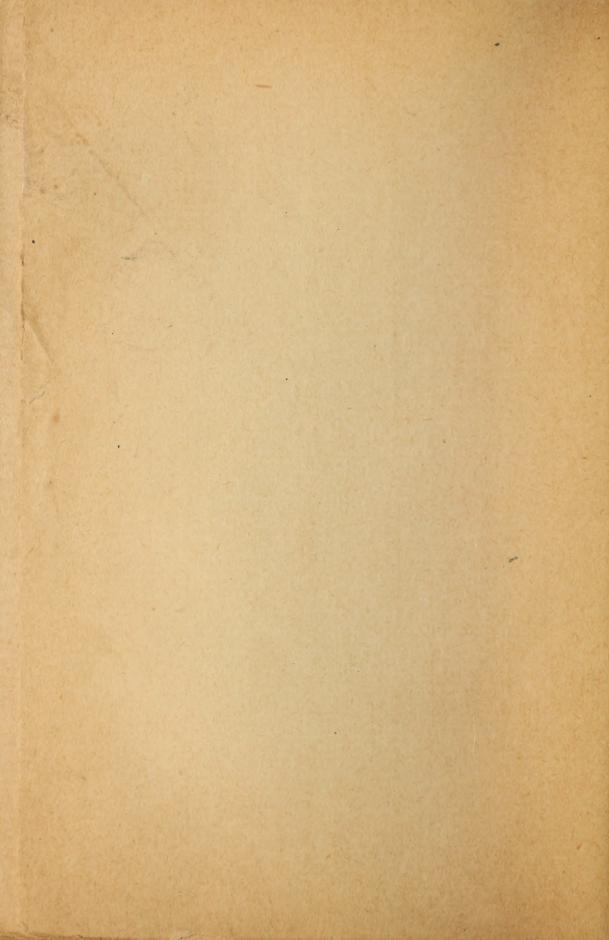
VI.

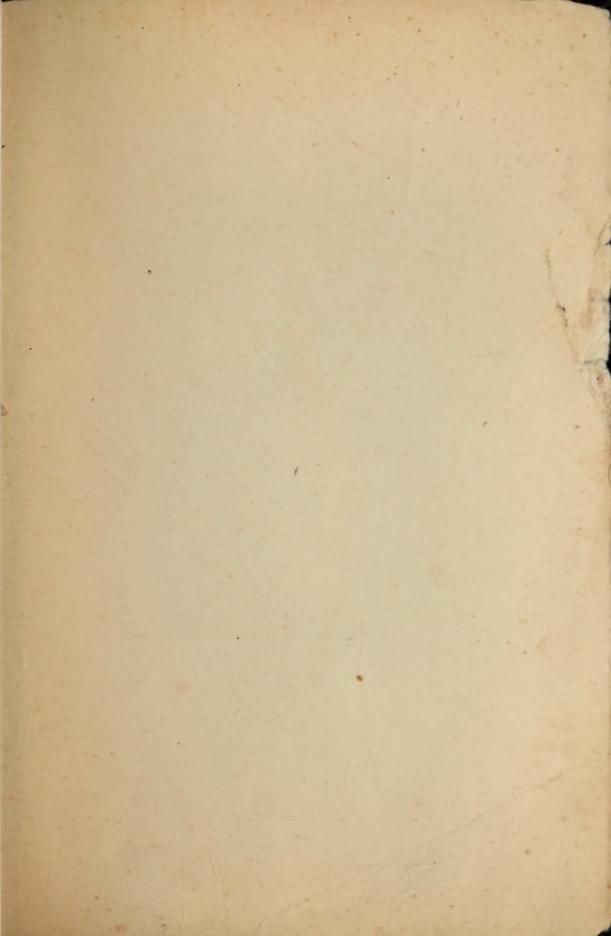
Въ младые годы былъ я такъ утру радъ, И плакалъ горько вечеромъ! Нынъ же Я день сомнъньемъ начинаю— Радостенъ, святъ мнъ тихій мой вечеръ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗЕРНА».

- Максимиліанъ Волошинъ. «Anno mundi ardentis». 1915. Обложка Л. Бакста. 1916. Ц. 75 к.
- И. Эренбургъ. «Стихи о Канунахъ». Обложка Воробьевой-Стебельской. 1916. Ц. 1 р. 50 к.
- Франсуа Війонъ (Виллонъ).
 Отрывки изъ «Большого Завѣщанія»,
 баллады и разныя стихотворенія въ
 переводѣ И. Эренбурга. Обложка
 И. Лебедева, 1916. Ц. 1 р.
- Амари. «Глухія слова». Обложка И. Лебедева. 1916. Ц. 60 к.
- Жакъ де Безье. «О трехърыцаряхъи рубахъ». Повъсть XIII въна. Перевель со старо-французскаго И. Эренбургъ. Текстъ, обложки, заставки рисовалъ и ръзалъ на доскахъ Иванъ Лебедевъ. Оттиснуто 200 нумерованныхъ экземпляровъ. 1916. Ц. 3 р.

Готовятся и выйдутъ осенью 1916 года: Книга о Шарлъ Пеги. Переводы и статьи. Вилье де Лиль Аданъ. Аксель. Елисавета Барретъ - Броунингъ. Португальскіе сонеты.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ Въ книжныхъ магазинахъ М. О. ВОЛЬФЪ.